

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ГРЕБЕНЬ
МАТИЛЬДЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.
Д69 Гребень Матильды : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с

ISBN 978-5-04-204971-2

Анна Чебнева расследует серию жестоких убийств. Она уверена: умный и осторожный преступник ищет что-то очень ценное, и, похоже, эту драгоценность разыскивает не он один. Ведь каждый раз на месте преступления появляется незнакомец, которого ей никак не удастся опередить.

У Камы Егера свое задание. Он ищет тайник, в котором спрятаны драгоценности известной балерины, и молодая сотрудница уголовного розыска ему сильно мешает.

Прошло немало времени, прежде чем они осознали, что нужны друг другу не только как партнеры. Куда приведет их расследование и как оно связано с историей гиперборейского гребня, найденного Николаем Гумилевым на далеком острове?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204971-2

© Дорош Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ИЗДАЛЕКА

Последнюю сотню метров Анна сидела на изготовке: наклонившись и вцепившись в ручку автомобильной дверцы. Так не терпелось.

Стоило машине притормозить, она выскочила и побежала. Парадная их дома на Кирочной давно заколочена. Войти можно только с черного входа, а это лишние три минуты.

Она пулей взбежала по ступенькам, перескакивая через сломанные, с торчащими досками, и ворвалась в коридор. Дверь открыла заплаканная Фефа. У Анны болезненно сжалось сердце.

Неужели все плохо?

— У тебя в комнате сидит, — шепнула Фефа и быстренько заперла дверь. — Настродался, бедняжка.

Навстречу поднялся худой юноша, почти подросток.

— Здравствуйте, Анна Афанасьевна.

— Вы от Николая? Что с ним?

Анна кинулась к незнакомцу и схватила за руки. От неожиданности тот отпрянул и оперся рукой о стул.

— Простите, — побледнев, прошептал он.

Анна сразу пришла в себя.

— Это вы меня простите. Я даже не спросила вашего имени.

— Георгий Афлераки. Мы с Николаем вместе пробирались в Одессу.

— В Одессу?

— Да. Там... мы... собирались...

— Вы можете говорить совершенно свободно, не опасаясь.

— Николай заболел и был вынужден остаться на одном из хуторов.

Анна сжала руки.

— Где?

— Далеко от Одессы, к сожалению. Но вы не волнуйтесь. У него были деньги. За ним ухаживают.

Не сдержавшись, Анна всхлипнула. Афлераки страдальчески сморщился и громко сглотнул.

Боже! Да он сейчас в голодный обморок упадет!

Усилием воли она подавила рыдания и шагнула к двери.

— У меня сотни вопросов, но сперва мы с Фейфой вас накормим.

Он хотел возразить, но в открытую дверь ворвался такой упоительный запах, что сопротивляться не было сил.

В кухне кипел самовар, на столе исходила паром вареная картошка и лежал нарезанный большими ломтями хлеб.

Анна с благодарностью взглянула на Фефу. Умница какая!

Георгий изо всех сил старался не торопиться и есть, как подобает греческому аристократу, но получалось плохо. Уж больно свежим оказался хлеб. Даже жевать не надо. А картошка с солью так вообще...

Фефа с жалостью смотрела, как двигаются от усердия его уши, и украдкой утирала слезы. Пару раз Анна глянула укоризненно — мол, нечего мокроту разводить, — но Фефа только махнула на нее рукой и шмыгнула носом.

Вид у Георгия действительно был удручающе истощенный.

Анна вздохнула украдкой.

Бедный мальчик!

Он заметил ее откровенно жалостливый взгляд и отложил вилку.

Не хватало только, чтобы к нему относились как к нищему!

— Чаю налить? — тут же подхватилась Фефа.

— Спасибо. Не стоит, — с горделивым достоинством ответил Афлераки.

— Да что ты спрашиваешь? Наливай! — рассердилась Анна и показала глазами на мешочек с сахаром.

— Жалко, пирогами нынче не разжились, — ставя на стол большую кружку, извиняющимся

тоном сказала Фефа. — Ну хоть хлеб вовремя привезли.

— Все очень вкусно. Благодарю вас, — выдавил гость, с трудом удерживаясь, чтобы не вцепиться зубами в поджаристую горбушку, которая еще оставалась на тарелке.

— Да ты ешь, милоч, не стесняйся. Не обеднеем.

Фефа подвинула к нему мешочек с сахаром и добавила:

— Через тебя и Колю нашего, считай, накормили. Авось и его кто-то приветит.

Она всхлипнула и тут же бросила испуганный взгляд на Анну.

Та сделала вид, что не замечает, и, решив, что уже можно, спросила:

— Как вы оказались в Петрограде?

Георгий сразу отставил кружку и вытер рот.

— Один я все равно не выбрался бы из России. Я... точнее, мы вместе решили, что мне стоит попробовать вернуться домой. Ну... то есть, не домой, конечно. Мои родители эмигрировали еще летом. Успели, так сказать. Но здесь у меня остались родные. И соотечественники, готовые помочь. Когда я был готов к путешествию, Николай попросил передать записку для вас.

Записку? Что ж он молчал!

— Батюшки, — прошептала Фефа, садясь на лежащее на стуле мокрое полотенце.

— Сейчас.

Гость кинулся в прихожую и, покопавшись в своем грязном армяке, вытащил из подкладки сложенный в квадратик листок.

— Вот.

Анна схватила быстрее, чем он договорил.

На крошечном обрывке бумаги не было слов. Только пять тоненьких кривых линий и несколько нот на них.

— Чего это? — спросила Фефа, заглянув через ее плечо.

— Ноты.

— Сама вижу, что ноты! Написано-то что?

— Это музыкальная фраза. Точнее, отрывок. Не пойму.

— Может, я прочту? — предложил Афлераки и смутился. — Нет, простите.

— Я сама разберусь.

Анна сложила листочек и спрятала в карман.

— Расскажите еще. Про Николая.

Георгий заметил, что она с трудом сдерживает слезы, и кивнул.

— Расскажу все, что знаю.

Они все-таки уговорили его остаться. Ночью в Петрограде Георгий наверняка налетел бы на патруль.

Подумав, тот согласился.

Уложили в комнате покойного тятеньки. Благо, там ничего не изменилось.

Сами легли в Анютиной комнате. Сентябрь — хоть было самое начало — нынче выдался холодный, а с дровами дела обстояли плохо. Если и на-

дыбают где, то дня на три. Так что приходилось ужиматься. Фефину комнату закрыли, да и тятенькину тоже. Но ту уже давно. С конца восемнадцатого, после похорон.

Нынче отворили и немного протопили. Потом Фефа принесла от себя перину — любимую, деревенскую, — и в целом устроили гостя неплохо.

Он уснул, не дождавшись, когда хозяйки уйдут. Просто положил голову на подушку, и все. Засопел.

Фефа с минуту еще глядела горестно на его бледные впалые щеки, а потом, вздохнув, призналась:

— Сердце заплось, честное слово. А ну как и наш там... так же.

Анна дернула ее за рукав.

— Хватит причитать. Пошли отсюда.

Фефа послушно вышла из комнаты.

— Так чего же там написано, Анюточка? По-няла?

И увидев, что та одевается, испуганно спросила:

— Да куда ты?

Анна застегнула тужурку и ответила:

— Пойду к Марье Николавне.

— Ночью? Рехнулась?

— Меня не тронут.

— Утра хоть дождись! Люди спят, поди!

— Не спят.

— А ты почему знаешь?

— Знаю, — отрезала Анна и открыла дверь. — Береги его, — велела она.

До дома Синицких добралась без приключений. Даже странно. Не встретила ни одного патруля.

Парадная в этом доме тоже стояла заколоченной. Анна прошла под аркой и, поднявшись по давно не мытым ступеням, постучала в дверь. Три раза. К Синицким теперь так надо стучать.

Не открывали долго. Анна терпеливо ждала. Наконец щелкнул замок, выглянуло испуганное лицо хозяйки.

— Анна? Что случилось?

— Марья Николавна, не пугайтесь. У меня новости.

Дверь торопливо распахнулась.

— Проходите. Только пролетариев не разбудите. Едва утомонились после пьянки.

Женщины на цыпочках прошли в дальний конец коридора, где в самой маленькой комнате — бывшей детской — жили «уплотненные» Синицкие.

— Какие новости? О Николае? — запирая дверь и поворачиваясь к Анне лицом, прошептала Синицкая.

— Он прислал записку.

— Как прислал? Почтой?

— Нет, что вы. Его товарищ добрался до Петрограда.

— А Коля? Он где?

— Он... на пути в Одессу.

— Как в Одессу? Зачем? Там же все закончилось давно.

— Георгий — его однополчанин — говорит, что контрабандисты за деньги могут переправить в Турцию.

— Боже! Это безумная идея! И я не понимаю... Если это возможно, то почему этот однополчанин не там, а здесь?

Лицо Анны против воли исказилось. Синицкая сжала ее руку.

— Николай ранен? При смерти? Говорите!

— Нет, что вы! Господи! Конечно, нет! Он... заболел в дороге.

Марья Николавна схватила за горло.

— Я так и знала! Так и знала!

— Успокойтесь. Он живет в доме. За ним ухаживают. Георгий сказал, что Николай поправляется.

— Поправляется? Без необходимых лекарств? Не надо мне лгать, Анна!

— Коля крепче, чем вы думаете. Он три года был на фронте. Перенес ранение. Неужели теперь позволит доконать себя какой-то хвори?

— Не какой-то, а очень опасной. Чихотка обострилась еще тогда, в восемнадцатом, когда он полгода провел в сыром окопе.

— Но сейчас он на юге. Там еще очень тепло. И морской воздух. Ему уже легче.

Марья Николавна взглянула подозрительно.

— Это он вам написал?

— Нет. В записке совсем другое.

— Могу взглянуть?

— За этим я и пришла. Вот, смотрите.

Анна развернула листок.

— Честно говоря, я не смогла понять. Вернее, прочесть.

Марья Николавна пошевелила губами, пропевая фразу про себя, и вдруг улыбнулась.

— Это Пуччини.

— Что?

— Самое начало арии Каварадосси из «Тоски». Здесь написано...

Она посмотрела на Ньюрку полными слез глазами.

— «Люблю, о, как люблю тебя». Простите, это очень личное, я понимаю.

Анна взяла листочек. Руки ее дрожали.

Марья Николавна отошла к окну.

— Это семейная игра. Мой муж когда-то тоже написал признание нотами. Это была ария Неморино из «Любовного напитка» Доницетти. Потом мы часто так играли. Передавали друг другу послания музыкальными фразами. Однажды Леонид написал сыну строку из «Онегина». Помните? «Учитесь властвовать собой».

— Раньше Коля никогда так не делал.

— Наверное, не хотел, чтобы записку прочли посторонние.

— Наверное, — почти беззвучно прошептала Анна.

Слезы душили ее. Синицкая стояла, отвернувшись. То ли не хотела смущать, то ли тоже пыталась справиться с нахлынувшими чувствами.

Анне хотелось подойти к ней и обнять, но что-то мешало. Ведь они с Николаем так и не обвенчались. Считает ли Марья Николаевна ее членом семьи? До сих пор она держалась дружелюбно, но отстраненно. Поймет ли ее порыв?

Анна отошла к диванчику в углу и села.

Сейчас обе думают об одном и том же. Но думают врозь. Будут ли они когда-нибудь близки по-настоящему?

Она вопросительно посмотрела в спину своей несостоявшейся свекрови.

Спина была прямая и одинокая.

Ночью, забравшись в кровать и закутавшись в одеяло, Анна достала записку и прижала к губам.

И на мгновение, лишь на мгновение ей показалось, что прикоснулась к любимой руке, которая держала этот клочок бумаги.

ЗВОНОК СТАРОМУ ДРУГУ

Хозяин кабинета побарабанил по затянутому зеленым сукном столу.

Стоит ли обращаться за помощью? Вернее, это скорее услуга, а услуга безвозмездной не бывает.

Поднявшись, он подошел к окну. Над Москвой вставала заря, еще по-летнему яркая и праздничная. Поколебавшись с минуту, он выглянул в приемную.

— Соедините с наркомом внутренних дел. По личному каналу.

Трубку на том конце провода взяли мгновенно.

— Доброе утро, Юзеф, — первым поздоровался он.

— Не забыл еще подпольную кличку, Никитич? — усмехнулся собеседник. — Привет наркому внешней торговли. Что нужно от нашего ведомства?

— Надежный человек для деликатного поручения.

— Насколько деликатного?

— О нем не должны знать в некоторых заинтересованных кругах. И вообще... никто.

— Другими словами, никто не должен догадываться, что это мой человек.

— Да.

— Какие ведомства следует исключить?

— Прежде всего Гохран.

— Почему именно Гохран?

— Ненадежная контора.

— Что тебя настораживает?

— Ты помнишь Джона Рида?

— Того, что написал книжку про десять дней, которые потрясли мир? Он еще на обратном пути на таможне попался с бриллиантами в каблуках ботинок.

— Тот самый.

— Я так понимаю, что предмет нашего разговора — вывоз ценностей? — усмехнулся тот, кого звали Юзефом. — Законный или незаконный?

— Незаконный — твоя епархия. Я туда не лезу.

— Тогда что именно тебя беспокоит? История с Ридом давнишняя.

— Думаешь, что-то изменилось? Некий негодянт по кличке Джеймс килограммами вывозит бриллианты в Германию. Просто горстями набивает в Гохране и набивает чемоданчик. Золото не берет, слишком тяжелое. Поэтому камни выковыривают из царских диадем. «Вылущивают», как они говорят. А золото скопом отправляют в плавильные печи.

— Да, я в курсе.

— Украшения Романовых от лучших ювелиров стоят баснословных денег, а караты россыпью — товар для мелких спекулянтов.

— Согласен. Глупо продавать такие вещи по дешевке.

— Не просто глупо. Преступно. Юровский — болван. Он нынче как раз Гохраном руководит. После расстрела царской семьи в Екатеринбурге привез с собой их драгоценности и передал коменданту Кремля Малькову. За это ему предложили хлебное место. Так сказать, для сохранения и приведения в ликвидное — слышишь? ликвидное! — состояние ценностей императорского дома.

— Ты мне рассказываешь об этом, как будто я не сведущ.

— Эмоции захлестывают. Прости.

— Так ты хочешь заняться царскими драгоценностям, а Юровский тебе мешает?

— И да, и нет. С Юровским я уже сталкивался. Понял, что становлюсь похож на Дон Кихота, воюющего с ветряными мельницами. У него индульгенция от вождя на веки вечные. А у меня связаны руки. Наркомату внешней торговли нужны средства на закупку зерна и станков, а мы продаем бесценные сокровища за копейки.

— Ты говоришь о Романовых?

— Не совсем.

Нарком внешней торговли помолчал, словно еще раз прикидывая, стоит ли продолжать.

— Помнишь историю с ящиками, набитыми драгоценностями Кшесинской?